

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ АНКЛАВНОГО ГОВОРА

В.И. Теркулов

Предлагаемая статья посвящена определению методологических основ так называемой анклавной диалектологии, которая представляется автору разделом традиционной диалектологии, занимающимся изучением диалектов того или иного языка, функционирующих на иноязычной территории. Данное исследование является основой для дальнейшего анализа украинских говоров в Российской Федерации, который выполняется руководимой автором группой диалектологов Горловского государственного педагогического института иностранных языков при поддержке фондов фундаментальных исследований Украины и России.

Ключевые слова: анклавный, билингв, говор, группа говоров, метрополия.

Целью предлагаемого исследования является определение методологических основ изучения островных или анклавных (наш термин) говоров, то есть говоров определенного языка, оказавшихся в силу тех или иных причин на территориях функционирования говоров других языков, например, русских говоров на территории Украины, в нашем случае – донских казачьих говоров Краснолиманского района, и украинских говоров на территории России, например, говоров украинских поселений Поволжья.

Нельзя сказать, что проблема анализа особенностей функционирования говоров такого типа была обойдена лингвистикой. Конечно же, существует достаточно большое количество работ, посвященных рассмотрению особенностей островных говоров. Очень интересны, например, исследования испанских диалектов в США [2], немецких говоров России [3, 4], русских старообрядческих говоров в Литве [8, 5], украинских говоров Польши [6] и т.д. Не обойдены вниманием и украинские говоры в России (см., например, работы И. В. Магрицкой [7], Н. А. Супрун-Яремко [13], В. И. Супруна и другие) и русские на Украине (см., например, фундаментальный сборник статей «Русские говоры на Украине» [10], работы Е. Н. Степанова [12] и т.д.). Во всех указанных исследованиях говорится о том, что методология изучения островных говоров во многом должна отличаться от методологии традиционной диалектологии. Однако это утверждение, к сожалению, пока еще не материализовалось в разработанную программу действий диалектолога, работающего с островным говором. Пожалуй, единственными работами методологического типа были статьи В. М. Жирмунского «Проблемы переселенческой диалектологии» [4] и Л. И. Баранниковой «Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации» [1]. Правда, в указанных исследованиях либо дается только описание проблем и направлений исследования анклавно-островных диалектов, либо они рассматриваются в пределах недифференцированной массы как генетически отличных, так и генетически близких к говорам аборигенов переселенческих диалектов.

Для нашей научной группы – группы диалектологов Волгоградского государственного университета (Россия) и Горловского государственного педагогического института иностранных языков (Украина), проводящих совместное исследование переселенческих, а точнее – островных, анклавных украинских говоров в России и русских в Украине, такой подход недостаточен. Нашей задачей является установление моделей и форм существования таких идиомов, что, разумеется, требует четкого определения условий, моделей и целей научного поиска. Это, в свою очередь, мотивирует разработку принципов нового раздела классической диалектологии, который можно назвать островной или анклавной диалектологией.

Вполне очевидно, что ее научная база складывается из трех составляющих – социолингвистической, собственно лингвистической и прикладной. Социолингвистическая составляющая исследования островного говора является, пожалуй, самым главным отличием анклавной диалектологии от традиционной.

Первым аспектом социального исследования является определение **статуса островного / анклавного идиома** в иноязычной/инодиалектной среде. Мы различаем три ситуации. Во-первых, данный идиом может совпадать с **говором**, что отмечается тогда, когда он функционирует только в одном населенном пункте иноязычного региона. Таковы, например, русские староверческие говоры в Латинской и Северной Америке (говор колонии Табороче в Боливии, поморский говор Вудбурна в США и т.д.). Во-вторых, очень часто можно говорить о **группе говоров**, когда та или иная территория стала объектом переселения носителей разных (близких или далеких) диалектов иного языка. Такова, например, ситуация в Волгоградской области, где существует группа украинских анклавных говоров в Киквидзенском районе (хутора Дубровский, Завязка, села Семеновка, Мачеха), в Ольховском районе (села Ольховка, Каменный Брод, Стефанидовка), Старополтавском районе (село Старая Полтавка, Харьковка) и т.д. Как утверждает в [15] «В сельской местности Волгоградской области насчитывается более 80 населенных пунктов, большинство жителей которых являются этническими украинцами». Говорить о едином волгоградском украинском анклавном наречии здесь трудно. Во-первых, разные украинские села создавали выходы из разных мест, а следовательно – носители разных украинских диалектов. Например, в Старополтавском районе есть села Старая Полтавка, основанное переселенцами из Полтавы, то есть носителями средненадднепрянского говора юго-восточного наречия украинского языка, и Харьковка, основанное переселенцами из Харькова, то есть носителями слобожанского говора того же наречия. Во-вторых, между носителями разных говоров украинского языка на территории Волгоградской области нет постоянного контакта, они не осознают себя как этнически единое сообщество, чего не скажешь, например, об украинцах Кубани, которые воспринимают себя как особое кубанское казачье единство, что позволяет говорить об их говорах, как о едином кубанском наречии [14]. В последнем случае сформирована третья форма существования анклавных говоров – **анклавное наречие**, то есть единство анклавных говоров, опирающееся на единый анклавный этнос. Такова, кстати, ситуация и в Донецкой области Украины, где помимо изолированных островных донских говоров (с. Яцкое и Торское Краснолиманского района) сформировано общеобластное легко угадываемое Донецкое анклавное наречие русского языка. Отметим, кстати: данная ситуация показывает, что на территории одной области могут существовать несколько типов анклавных идиомных образований.

Другим важным аспектом анклавно-диалектологического исследования является **определение источника миграции**. Мы здесь различаем две ситуации.

Во-первых, это хаотическое переселение, когда населенные пункты заселялись выходцами из разных мест, что формировало новый тип анклавного идиома – **смешанный**. Такова ситуация, например, с русским наречием в Донецкой области Украины, так сформировались северные (тюменские) диалекты украинского языка. Обычно смешанный идиом создается в новое время и имеет своим источником индустриализацию и необходимость быстрого освоения новых мест. Например, Донецкая область заселялась в основном в 19-том веке в связи с разработкой донецкого угольного бассейна.

Во-вторых, что встречается очень часто, это целенаправленное переселение части населенного пункта или населенного пункта целиком.

Таковы говоры Волгоградской области. Например, село (ранее – слобода) Мачеха Волгоградской области является переселенной в середине 18-го века частью полтавского села Мачеха, село Киевка – переселенной в 16-ом веке частью одного из сел Киевщины и т.д.

Очень важным является такой аспект исследования, как связь с метрополией. Самый оптимальный вариант существования говора – **метрополиейная экспансия** – представлен в русских селах Донецкой области, где русский язык изучается в школах, свободно принимаются передачи русского радио и телевидения, поступает пресса и книжная продукция из России. С другой стороны, абсолютной противоположностью является ситуация в украинских селах России, которую можно назвать **метрополиейной индифферентностью**. В исследованных нами селах нет даже намека на интерес украинской стороны. Туда не поступает украинская литература, пресса, нет следов интереса со стороны украинских этнических организаций.

Как это ни парадоксально, как первая, так и вторая ситуация являются источниками риска утраты идиома. Но если в первом случае эта утрата направлена в сторону замены анклавного диалекта на анклавное литературное просторечие, то во втором – в сторону уничтожения анклавного диалекта, хотя украинские говоры в Волгоградской области все же сохраняют еще свою самобытность, что говорит о стойкости анклавных идиомов. Важными здесь являются также их отношения с идиомами аборигенов. Сохранение украинских островных говоров, скорее всего, обусловлено именно этнолингвистической изолированностью украинцев на волго-донских казачьих территориях. Как писала В. Синельникова, «нужно подчеркнуть, что, основывая новую жизнь в этих местах, украинцы старались селиться отдельными от казаков этническими массивами. Например, вдоль реки Медведица, притока Дона, казаки селились на левом берегу, а "хохлы" – на правом. Часто эти поселки были напротив друг друга и соединялись через реку мостами. И до сих пор живут по соседству через реку украинское село Орехово и казачья станица Островская, слобода Даниловка и хутор Красный, село Сидоры и хутор Раздоры, слобода Михайловка и хутор Староселье. **Эта этническая обособленность и есть, вероятно, главной предпосылкой сохранения в упомянутых поселениях украинского языка как основного в бытовом общении** (выделено нами – В.Т.), особенностей украинского менталитета <...>, особенностей украинской кухни, украинского фольклора» [11, с. 102].

Для анклавно-диалектологического исследования важным является также определение социоллингвистических типов носителей идиома. Нами отмечаются три базовых типа. Во-первых, это **монолингвы**, то есть люди, которые понимают только один свой анклавный диалект. В нашем случае – это некоторые пожилые носители русских островных говоров Донецкой области. Такая ситуация в исследуемых диалектах редка, и обусловлена она, скорее всего, русификацией Украины в годы советской власти, когда владение украинским языком считалось непрестижным. Вторую группу составляют **пассивные билингвы**, то есть люди, говорящие только на анклавном диалекте, но понимающие и говор аборигенов. Такая ситуация отмечается нами в с. Мачеха Волгоградской области. Третья группа, характеризующая практически все украинские говоры Волгоградской области, – это **активные билингвы**, свободно переходящие со своего анклавного идиома на идиом аборигенов.

Предложенная классификация параметров социоллингвистического описания анклавного говора является только общей моделью отображения базовых черт такого идиома. Она объективно должна быть детализирована и дополнена вытекающими из социальных особенностей поведения носителя говора особенностями его **лингвистического поведения**.

В этом случае особую важность приобретает чисто лингвистический анализ состояния анклавного идиома. Первичный анализ представляет собой исследование минимального компонента диалектного членения – островного говора одного населенного пункта. Первый этап исследования ничем не отличается от традиционных диалектологических изысканий. Он представляет собой полевой сбор материала и составление первичного словника. Для его удачного проведения, разумеется, необходим вопросник по сбору лексического материала. Здесь нет необходимости изобретать велосипед. Такие вопросники уже созданы и представлены в учебниках по диалектологии как русского, так и украинского языков. Мы определяем следующие тематические группы, которые требуют первоочередного исследования: названия растений и их частей, наименования птиц, наименования животных, частей их тел, форм их жизнедеятельности, наименования рыб, частей их тел, названия насекомых, земноводных, пресмыкающихся, червей, лексика ландшафта, метеорологическая лексика, сельскохозяйственная лексика, рыбооловецкая и охотничья лексика, наименования построек и их частей, наименование средств передвижения по земле и по воде, наименования болезней, наименования действий и состояний. Очень важно обратить внимание на то, что объектом исследования здесь должны быть не слова, а номинатемы, то есть номинативные модели, объединяющие речевые единицы-гlossы на основе их инвариантного семантического тождества и формальной взаимосвязанности. Например, в пределах рассмотрения номинатемы *животина* должны быть рассмотрены как моновербальные glossы, так и композитные типа *справна худоба, погана худоба* и т.п., которые, по сути, представляют собой аналитические лексико-семантические варианты указанной единицы. Кроме того, важными на наш взгляд являются коллокативные и фразеологические единицы говора.

На втором этапе предполагается определение историко-лексикологического статуса отобранных номинативных единиц, установление фактов диалектного и языкового взаимодействия. Нам необходимо выявить:

- 1) лексику метрополийного типа, то есть ту, которая была перенесена в новую зону проживания с исконных территорий и находит свою реализацию либо в современных исконных говорах диалектной метрополии, либо в исторически утраченных словниках; понятно, что в этом случае сравнение предполагает параллельное изучение лексического состояния исконного говора;
- 2) лексику диалектов автохтонного населения новых территорий; в этом случае необходимо изучение словарного состава этих диалектов;
- 3) лексику литературного украинского языка;
- 4) лексику литературного русского языка.

Можно предположить несколько статусных ситуаций взаимодействия данных пластов лексики:

- 1) однозначное сохранение исконных состояний, при котором метрополийные номинатемы употребляются как единственные наименования тех или иных объектов в том же самом значении, что и в исконном диалекте;
- 2) абсолютное синонимичное употребление как исконных, так и новых номинатем;
- 3) специализированное параллельное употребление исконных и новоприобретенных номинатем, при котором они различаются семантическими оттенками;
- 4) однозначная замена исконной номинатемы на новоприобретенную.

Полученная информация как социолингвистического, так и собственно лингвистического исследования островных диалектов должна быть

реализована на прагматическом уровне анализа. К сожалению, пока нет карт украинских и русских анклавных говоров. Создание ее необходимо хотя бы по тому, что под влиянием как объективных (миграция сельского населения, возрастающая активность образовательных институтов, влияние средств массовой информации и т.д.), так и субъективных (стремление сельчан влиться в городской конгломерат) факторов, сейчас происходит нивелировка говоров, могущая в конечном итоге привести к утрате их самобытности. Конечно же, это – исследование на несколько лет. Сейчас же важно начать работу по скрупулезному описанию диалектов, в первую очередь, в лексикологической его части, поскольку, на наш взгляд, именно словарь жителя села больше всего противится воздействию унифицированного обучения.

ABOUT THE METHODOLOGY OF ANCLAVE DIALECT RESEARCH

V.I. Terkulov

This article is devoted to the definition of the methodological basis of the so called enclave dialectology, which seems to the author to be the section of the traditional dialectology. This section deals with the study of the dialects of the language that functions on the territory where the foreign language is used. This research is the basis for the further analysis of Ukrainian dialects in the Russian Federation that is executed by the group of linguists of Horlivka state pedagogical institute of foreign languages who are led by the author and supported by the funds of fundamental researches of Ukraine and Russia.

Key words: enclave, bilingual, dialect, group of dialects, mother country.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации / Л. И. Баранникова // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 22-31.
2. Бердникова Л. П. О современном статусе испанского языка в США / Л.П. Бердникова, Н.В. Гурова. – Режим доступа: <http://www.uceba.ru/referats/7871.html>.
3. Березина М. В. Особенности развития немецких говоров Кировской области / Ю. В. Березина // Семантика. Функционирование. Текст: Международный межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гум. ун-т. – Киров, 2007. – С. 298 – 299.
4. Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии // Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. – Л.: Наука, 1976. – С. 491 – 516.
5. Лёнигрен Т. Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и на Житомирщине) / Т. Лёнигрен. – Уппсала, 1994. – 34 с.
6. Лесів М. Українські говірки в Польщі / М. Лесів. – Варшава: Видавництво "Український архів" 1997. – 496 с.
7. Магрицька І. В. Спостереження над живим мовленням українців Росії (говірки сіл Волошине і Роголик Міллерівського району Ростовської області) / І. В. Магрицька // Діалектологічні студії. 5: Фонетика, морфологія, словотвір. – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2005. – С. 11-28.
8. Морозова Н. Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения / Морозова Н., Чекмонос В. Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения. – Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/188-1-0-329>
9. Мусорин А. Ю. Из наблюдений над лексикой русинского языка / А. Ю. Мусорин // Актуальные проблемы словообразования и лексикологии. – Новосибирск, 2007. – Вып. X. – С. 332-336.
10. Русские говоры на Украине: сборник статей. – Киев: Наукова думка, 1982. – 231 с.
11. Сінельнікова В. Політичні та економічні передумови появи українських поселень у поволзьких степах у XVI-XIX століттях / Валентина Сінельнікова // Народна творчість та етнографія. – 2005. – № 5. – С. 100-104
12. Степанов Є. М. Російське мовлення Одеси / Є. М. Степанов. – Одеса: Астропринт, 2004. – 494 с.
13. Супрун-Яремко Н. А. Украинский субэтнос на Кубани / Н. А. Супрун-Яремко // Культурная жизнь Юга России. – 2003. – № 3(4). – С. 51-56.
14. Ткаченко П. Кубанский говор: Опыт автор. словаря / П. Ткаченко. – М.: Граница, 1998. – 240 с.
15. Украинцы из Правобережья и Заволжья // Одна родина. – Режим доступа: <http://www.odnarodyna.ru/articles/3/93.html?print>

Поступила в редакцию 16 ноября 2009 г.